

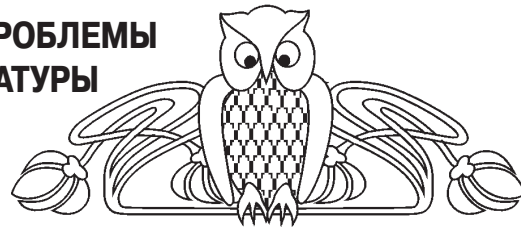

УДК 821.161.1.09+929

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е. Н. Жаднова

Саратовский государственный университет
E-mail: lorelei88-88@mail.ru

В статье предпринимается попытка описать круг современных исследований, посвященных проблеме Петербургского текста русской литературы, намечаются направления, по которым изучение Петербургского текста развивалось после выхода в свет фундаментальных исследований по семиотике города В. Топорова и Ю. Лотмана.

Ключевые слова: Петербургский текст, Ленинградский текст, Н. Анциферов, В. Топоров, Ю. Лотман, М. Амусин, Н. Меднис.

Contemporary Approaches to the Research of the Problem of Petersburg's Text of the Russian Literature

E. N. Zhadnova

In the article an attempt is made to describe the range of contemporary studies dedicated to the problem of Petersburg's text of the Russian literature; directions are outlined alongside which the study of Petersburg's text was developing after the fundamental researches on the semiotics of the city by V. Toporov and Yu. Lotman were published.

Key words: Petersburg text, Leningrad's text, N. Antziferov, V. Toporov, Yu. Lotman, M. Amusin, N. Mednis.

Понятие «Петербургский текст русской литературы» было введено в научный оборот в 1984 г. В «Трудах по знаковым системам» вышли две взаимодополняющие статьи: В. Топорова «Петербург и Петербургский текст русской литературы» и Ю. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города». В предисловии к изданию Ю. Лотман писал: «Общим для статей нашего сборника является то, что Петербург рассматривается в них, с одной стороны, как текст, а с другой, как механизм порождения текстов»¹. Оба эти положения нашли развитие в статьях сборника.

Появление выпуска «Трудов по знаковым системам», названного «Семиотика города и городской культуры», вызвало мощный резонанс в литературоведении и актуализировало наблюдения, которые накапливались в отечественной культуре на протяжении долгого времени.

Ещё в 1915 г. в статье «Судьба Аполлона Григорьева» А. Блок рассуждает о связи между различными текстами о Петербурге: «Очевидно, Петербург “Медного всадника” и “Пиковой дамы”, “Шинели” и “Носа”, “Двойника” и “Преступления и наказания” – все тот же, который внушил вышеупомянутые заметки некоему зеваче и сумбурный роман с отпечатком гениальности – Андрею Белому. Не странно ли все-таки, что об одном и том же думали русские люди двадцатых,

тридцатых, сороковых... девяностых годов и первого десятилетия нашего века?»² А. Блок отмечает прежде всего идейно-тематическую близость петербургских произведений XIX и XX вв.

Позже Н. Анциферов объяснит природу этой близости через метафору «души города»: «Создается незыблемое впечатление, что душа города имеет свою судьбу, и наши писатели, каждый в свое время, отмечали определенный момент в истории развития души города»³. В своих трудах «Душа Петербурга» (1922) и «Быль и миф Петербурга» (1924) Н. Анциферов заложит основы теории Петербургского текста русской литературы. Он фактически разграничил понятия петербургских мотивов, образа Петербурга и Петербургского текста: «...одни писатели создавали случайные образы, откликаясь на выразительность Петербурга, другие, ощущая свою связь с ним, создавали сложный и цельный образ северной столицы, третьи вносили сюда свои идеи и стремились осмыслить Петербург с общей системой своего мирозерцания; наконец, четвертые, совмещая все это, творили из Петербурга целый мир, живущий своей самодовлеющей жизнью»⁴ – творили Петербургский текст русской литературы.

После работ Н. Анциферова тема Петербурга неоднократно звучала в исследованиях в связи с именами классиков XIX в. (А. Пушкина, Н. Гоголя, Н. Некрасова, Ф. Достоевского) и петербургскими циклами А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама и др. Все исследователи так или иначе отмечали особую мифологичность, иррациональность, противоречивость Петербурга, отразившуюся в произведениях русской литературы двух веков.

Целостное осмысление и оформление теория Петербургского текста получила в трудах В. Топорова. Исследователь определил Петербургский текст как «некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие цели и смыслы, единство которого создается общностью художественного языка и субтекстовых образований»⁵. В своем фундаментальном труде автор выделил маркеры, по которым Петербургский текст можно вычленил из других городских текстов русской литературы, отнеся к их числу природный, культурный, мифологический субстраты. Он отметил также «необыкновенно богатые возможности, связанные с поразительной густотой языковых элементов, выступающих как диагностически

важные показатели принадлежности к Петербургскому тексту и складывающиеся в небывалую по цельности и концентрированности картину, беспронизительно отсылающую читателя к этому «сверх-тексту»⁶. К трудам В. Топорова восходит традиция изучения метафизики города, таких центральных мотивов Петербургского текста, как мотив искусственности города, «жизни на краю», противоборства водной стихии и культуры, «своего» и «чужого», воплощенных в главных петербургских оппозициях Москва/Петербург, Восток/Запад.

Несмотря на фундаментальную, многоуровневую разработку теории Петербургского текста В. Топоровым, споры о ней не утихают до сих пор. Прежде всего, под вопрос ставится сама правомерность выделения этого художественного феномена. Всесторонней ревизии теория Петербургского текста подвергается в сборнике Санкт-Петербургского университета «Существует ли Петербургский текст?» (2005). В этом труде оспаривается как центральное понятие теории В. Топорова, так и отдельные ее аспекты.

В. Шмид подвергает сомнению правомерность выделенных В. Топоровым критериев принадлежности того или иного произведения к Петербургскому тексту. Исследователь полагает, что тематические и структурные свойства Петербургского текста могут быть всего лишь проявлениями литературных направлений (например романтизма) или продиктованы жанром (например готический роман). Автор подчеркивает, что «постулируемое Топоровым философское и историческое единство некоего Петербургского текста на основе диалектики гибели и спасения подтвердить трудно»⁷. Однако заметим, что концепция В. Топорова строится не только на мифологической основе, но и на комплексе взаимосвязанных идей: эсхатологические мотивы и выросшая на их почве мифология продиктованы природной сферой Петербурга, обрекающей город на вечную борьбу стихии и культуры, что в свою очередь порождает уникальную среду материальной культуры.

А. Муратов не отрицает самого феномена Петербургского текста, но, отвечая на главный вопрос сборника «Существует ли Петербургский текст?», заявляет: «Петербургский текст существует, но его параметры и его поэтика – объект особого изучения, для которого идеи В. Н. Топорова могут служить лишь очень приблизительным ориентиром»⁸. Таким образом, исследователь ратует за дальнейшую разработку теории.

Вопросы о легитимности понятия «Петербургский текст» в научном обиходе ежегодно обсуждаются на научных конференциях в Санкт-Петербурге. Начиная с 2009 г. там проводится фестиваль «Петербургский текст сегодня». Концепция этого научного мероприятия базируется на постулате о том, что «Петербургский текст – явление, через которое часто определяется са-

мобытность петербургской культуры в целом»⁹. Такой подход не является общепризнанным. В журнале «Невский альманах» находим отклик на проведенную конференцию, в котором оспаривается научность понятия «Петербургский текст» и ставится под сомнение семиотика как наука¹⁰.

Одним из главных в современном изучении Петербургского текста остается вопрос о границах явления. Сам автор концепции Петербургского текста В. Топоров называл К. Вагинова «закрывающим Петербургского текста русской литературы»¹¹. З. Минц, А. Безродный и А. Данилевский полагают, что линия Петербургского текста русской литературы обрывается с литературой символизма и акмеизма¹². И. Белобровцева и С. Кульбас в статье «Роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита”» называют «Петербург» А. Белого одним из последних в ряду Петербургских текстов русской литературы¹³. Л. Митрофанова в работе «Петербургский текст романа Д. Н. Мамин-Сибиряка “Черты из жизни Пепко”» условно обозначает границы явления от А. Пушкина до А. Ахматовой¹⁴.

Многие исследователи связывают завершенность Петербургского текста русской литературы с потерей городом имени, с переименованием Петербурга в Ленинград. М. Окутюрье полагает, что после революционных лет петербургская идея оказывается осуществленной, исчерпавшей себя, и «переименованием города завершается то, что В. Н. Топоров назвал “петербургским текстом русской литературы”»¹⁵.

М. Рождественская осмысляет переименование города как перерождение Петербургского текста русской литературы в Ленинградский: «В письмах и мемуарной прозе о том времени сквозной нотой звучит тема запустения, оставленности и пустоты <...> Но с получением нового чужого имени культурное пространство города начинает заполняться, рождается “ленинградский текст”, причем из почти тех же самых компонентов, но уже идеологически перевернутых. Прежде всего, меняется образ демиурга, Ленин вытесняет Петра»¹⁶.

Теоретическое осмысление термин «Ленинградский текст русской литературы» получил в диссертации И. Вейсман. По ее словам, «тяготение петербургского текста к открытости нашло реализацию в ленинградском тексте русской литературы, который может рассматриваться как “глава” петербургского текста или сепаратно по отношению к нему»¹⁷. Исследователь полагает, что Ленинградский текст сохраняет такие аспекты Петербургского текста, как природная сфера, культурный и духовный субстраты.

Существует и противоположная точка зрения. Так, например, В. Тюпа подвергает сомнению существование Ленинградского текста и утверждает, что «Ленинградский текст, если таковой может быть выявлен и описан, не является продолжением Петербургского»¹⁸, мотивируя это тем, что

«топонимия в искусстве слова принципиально важнее топографии»¹⁹.

В последнее время получил распространение еще один взгляд на эволюцию Петербургского текста после 1917 г. Ряд исследователей утверждает, что в послереволюционные годы Петербургский текст перерождается в эмигрантский. В исследовании «Воспоминания о “светлом рае” в эмигрантской лирике Саша Черного» автор Н. Тиботкина замечает, что «Петербург для многих эмигрантов <...> стал “символом потерянного рая”, изгнание из которого полностью изменило их жизнь, привычную картину мира и всю российскую историю, повернув ее развитие в другое русло»²⁰. По этим причинам в произведениях многих писателей и поэтов образ Петербурга до революции и в эмиграции оказывается прямо противоположным, а отношение к городу меняется от резко негативного до ностальгического восхищения былой красотой.

Е. Пономарев полагает, что «в начале 1920-х, в точке разделения русской литературы на два параллельных потока, петербургский текст русской литературы был перенесен в Берлин – в багаже русских беженцев»²¹. Писатели и поэты-эмигранты, описывают Берлин, используя субстраты и мифологию Петербургского текста. Однако, по мнению исследователя, берлинский период существования Петербургского текста краткосрочен: «Вывезенный в Германию петербургский текст разделится на два текстовых потока: частью вернется в только что получивший третье имя Ленинград, чтобы стать “ленинградским текстом” советской литературы, частью отправится дальше на Запад, чтобы продолжить традиции петербургского текста в литературе русской эмиграции»²².

И. Реброва на основании изучения эмигрантской прессы делает вывод: «Петербург может быть рассмотрен как эмигрантский когнитивно-оценочный концепт, включающий в себя ценностные, мировоззренческие, аксиологические ориентиры представителей эмиграции первой волны, которые вне России продолжали поддерживать дореволюционный “очаг великой русской культуры”»²³.

Таким образом, вопрос о границах Петербургского текста русской литературы до сих пор остается дискуссионным. Наиболее распространен сегодня подход к этому явлению как к открытой системе. М. Уваров, например, высказывает мнение о «непрекращающемся Серебряном веке русской поэзии, горизонты которого распространяются вплоть до конца XX века и обозначают особую, ещё не прочитанную до конца метафизику судьбы Петербурга»²⁴. И. Калинин утверждает, что Петербургский текст «возникает и выстраивается каждый раз заново, не ре-, а конструируется в каждом отдельном “петербургском тексте”, сплетается из нитей, которые каждый конкретный текст протягивает к актуальным для себя претекстам, независимо от того, выступают ли они как образец или как объект критики, повторить

или превзойти их входит в его историзирующие претензии»²⁵.

Открытость границ Петербургского текста позволяет причислять к нему самые разнородные явления. Так, Т. Виноградова относит рок-поэзию А. Башлачева и Ю. Шевчука к новой главе Петербургского текста²⁶, Д. Кондакова рассматривает в рамках петербургско-ленинградского текста современную поэзию 2010–2011 гг.²⁷.

Способность Петербургского текста к трансформациям не раз привлекала внимание исследователей. Модели этих трансформаций были предложены в сборнике научных трудов «Метафизика Петербурга» (1993), ставшем важным этапом осмысления этого явления. Л. Столович предложил рассмотреть важный аспект метафизики Петербурга – его аксиологию²⁸. С точки зрения аксиологии, переименование Петербурга в Ленинград исследователю видится как переоценка ценностей. В таком случае можно говорить о том, что Петербургский текст имеет свойство моделироваться.

О трансформациях Петербургского текста рассуждает А. Барзах в статье «Изгнание знака (Египетские мотивы в образе Петербурга у О. Э. Мандельштама)»²⁹. Исследователь придерживается мнения, согласно которому Петербургский текст неокончателен, он может модифицироваться под воздействием определенных культурных ситуаций и «каждым новым взглядом или словом о нем»³⁰.

Одну из самых серьезных трансформаций Петербургский текст русской литературы перенес в первые послереволюционные годы. Эта проблема вызывает пристальное внимание исследователей. Так, на Международной конференции «Санкт-Петербург: окно в Россию 1900–1935», проходившей в Париже в 1997 г., Л. Геллер в своем докладе «Хаос в Петрограде» предложил уточнить историческое наполнение таких маркеров Петербургского текста, как «хаос» и «космос». По наблюдениям исследователя, хаос может быть связан не только с типичными петербургскими природно-культурными ситуациями, когда «ничего с определенностью не видно, кроме мороков и размытости, предательского двоения, где сущее и не-сущее меняются местами, притворяются одно другим, смешиваются»³¹, хаос в Петрограде может выступать синонимом к слову анархия. Исследователь полагает, что «предпринять анархизацию петербургского текста отнюдь не значит вчитывать в него задним числом послереволюционное содержание. Наоборот, это означает восполнение крупного пробела»³².

Большой интерес вызывает статья С. Бойм «Петербург умер. Да здравствует Петербург!», в которой автор, ссылаясь на труды Н. Анциферова, сближает миф Петербурга с мифом революции: «В прозе двадцатых годов Петербург был не просто атмосферой или фоном творчества <...> город стал конкретным воплощением и

вдохновителем революционных и поэтических метафор, обозначивших отношение писателей к истории и современности»³³. По мнению исследователя, «образ Петрограда – Ленинграда, который возникает в экспериментальной прозе 1920-х, становится воплощением постреволюционных парадоксов»³⁴. Магистральный миф Петербургского текста о гибели города от наводнения может трактоваться в социальном ключе. По мнению исследователей Т. Гроб и Р. Николози, «то, что именно тема наводнения может содержать указание на революционный дискурс, не должно удивлять»³⁵.

Актуальность феномена Петербургского текста в современном литературоведении подтверждается обилием диссертационных исследований, посвященных данной проблеме. По разным аспектам Петербургского текста русской литературы в разные годы защищены диссертации: Е. Куликовой «Петербургский текст в лирике В. Ф. Ходасевича: "Тяжелая лира", "Европейская ночь"» (Новосибирск, 2000), Т. Билаловой «Феномен "Петербургского текста" в русской камерно-вокальной лирике начала XX века» (Екатеринбург, 2005), И. Вейсман «Ленинградский текст Сергея Довлатова» (Саратов, 2005), Т. Ефимовой «"Петербургский текст" как ресурс формирования городской ментальности» (Санкт-Петербург, 2007), М. Орловой «Жанровая природа романа Константина Вагинова «Козлиная песнь»» (Санкт-Петербург, 2009), А. Вовна «Городской текст в романе Андрея Белого «"Петербург"»» (Москва, 2011), О. Шуруповой «Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы» (Липецк, 2011).

Выявленные исследователями новые коннотации установленных В. Топоровым элементов Петербургского текста не расшатывают, а, напротив, укрепляют теорию Петербургского текста, делая ее более гибкой, способной к трансформациям и потому – жизнеспособной.

Примечания

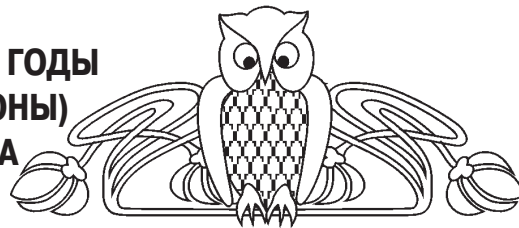
- 1 *Лотман Ю.* От редакции // Труды по знаковым системам. 1984. Вып. 18. С. 3.
- 2 *Блок А.* Судьба Аполлона Григорьева. URL: http://dugward.ru/library/grigorjev/blok_sudba_ap_grigoryeva.html (дата обращения: 25.05.2013).
- 3 *Анциферов Н.* Душа Петербурга. Л., 1990. С. 32.
- 4 Там же. С. 37.
- 5 *Топоров В.* Петербургский текст : его генезис, его структура, его мастера // Петербургский текст (Памятники отечественной науки XX век). М. 2009. С. 659.
- 6 Там же. С. 693.
- 7 *Шмид В.* Что такое «Петербургский текст?» // Существует ли Петербургский текст? : сб. ст. / под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. Вып. 4. СПб., 2005. С. 11.
- 8 *Муратов А.* Действительно ли существует Петербургский текст? // Там же. С. 23.
- 9 Петербургский текст сегодня. URL: <http://www.bigbook.ru/litnews/detail.php?ID=8085>. (дата обращения: 18.09.2013).
- 10 *Скворцова М.* Петербургский текст : горе от ума или голый король? // Невский альманах. СПб., 2010. № 1. URL: http://www.nev-almanah.spb.ru/2004/1_2010/5.shtml (дата обращения: 18.09.2013). Там же приводится мнение петербургских писателей, выраженное в ироничных стихах:
Глупость «умная» пугает,
напускается туман...
«Петербургский текст» строгаёт
дома каждый графоман.
На вопрос, возникший вскоре,
до сих пор ищут ответ:
текст подростка на заборе
петербургский или нет!?
- 11 *Топоров В.* Указ. соч. С. 661.
- 12 См.: *Мицк З.* Блок и русский символизм : Избранные труды : в 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3 : Поэтика русского символизма. С. 103–115.
- 13 См.: *Белобровцева И., Кульяс С.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». М., 2007. С. 434–435.
- 14 См.: *Митрофанова Л.* Петербургский текст романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко» // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 16. № 59. С. 159–172.
- 15 *Окутюрье М.* Смерть Петербурга // Санкт-Петербург : окно в Россию. Город, модернизация, современность : материалы междунар. науч. конф. СПб., 1997. С. 164.
- 16 *Рождественская М.* «Ленинградский текст» Петербургского текста // Петербургский текст в русской литературе XX в. : материалы XXXI Всерос. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 2002. Ч. II. С. 10.
- 17 *Вейсман И.* Ленинградский текст Сергея Довлатова : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. С. 15.
- 18 *Тюна В.* Коренная мифологема Петербургского текста // Существует ли Петербургский текст? СПб., 2005. Вып. 4. С. 91.
- 19 Там же.
- 20 *Тиботкина Н.* Воспоминания о «светлом рае» в эмигрантской лирике Саши Черного // Вестн. ТвГУ. Сер. Филология. 2012. Вып. 3. С. 234.
- 21 *Пономарев Е.* «Берлинский очерк» 1920-х годов как вариант петербургского текста // Вопр. литературы. 2013. № 3. С. 44.
- 22 Там же.
- 23 *Реброва И.* Петербург в образном слове русской эмиграции первой волны (по страницам периодической печати) // Петербургский дискурс. Юбилейный сборник в честь профессора Дины Михайловны Поцепни. СПб, 2013. С. 239.
- 24 *Уваров М.* «Реквием» А. А. Ахматовой в пространстве и времени Петербурга // Богословие. Философия. Словесность. СПб., 2000. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/uvarov/requiem.html> (дата обращения: 13.11.2012).

- 25 Калинин И. Петербургский текст московской филологии // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ka27.html> (дата обращения: 10.07.2013).
- 26 См.: Виноградова Т. Рок-поэзия А. Башлачева и Ю. Шевчука – новая глава петербургского текста русской литературы. URL: <http://www.stihi.ru/2012/03/29/9144> (дата обращения: 12.10.2012).
- 27 См.: Кондакова Д. Понятие «петербургский текст» в современной научной рецепции. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/natural/vkhn/Filol/2011_936/content/kondakova.pdf (дата обращения: 20.01.2013).
- 28 См.: Столович Л. Аксиология Петербурга // Метафизика Петербурга. СПб., 1993.
- 29 См.: Барзах А. Изгнание знака (Египетские мотивы в образе Петербурга у О. Э. Мандельштама) // Там же.
- 30 Там же. С. 236.
- 31 Геллер Л. Хаос в Петрограде // Санкт-Петербург: окно в Россию... С. 130.
- 32 Там же.
- 33 Бойм С. Петербург умер. Да здравствует Петербург! // Там же. С. 173.
- 34 Там же.
- 35 Гроб Т., Николози Р. Россия между хаосом и космо-сом (О петербургском наводнении, литературном мифе города и повести А. С. Пушкина «Медный всадник») // Существует ли Петербургский текст? СПб., 2005. Вып. 4. С. 146.

УДК 821.161.1.09-31+929 Солженицын

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА В 1910-е ГОДЫ (ТЕАТР, КИНЕМАТОГРАФ, ДОМАШНИЕ САЛОНЫ) В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Г. М. Алтынбаева

Саратовский государственный университет
E-mail: gulnarama@gmail.com

В статье на примере функционирования театра, кинематографа, домашних салонов представлена культурная жизнь Петербурга периода «сотрясающей революции», историю которой детально воссоздаёт А. И. Солженицын в «Красном Колесе».

Ключевые слова: А. Солженицын, «Красное Колесо», культурная жизнь Петербурга начала XX века.

Cultural Life of Saint Petersburg in the 1910 (Theatre, Cinema, Home Salons) in the *Red Wheel* by A. I. Solzhenitsyn

G. M. Altynbayeva

In the article Saint Petersburg's cultural life is represented on the example of theater, cinema and home salons functioning in the period of the «shaking revolution», the history of which is recreated in detail in the *Red Wheel* by A. I. Solzhenitsyn.

Key words: A. Solzhenitsyn, *Red Wheel*, cultural life of Saint Petersburg of the beginning of the XXth century.

В «Ответном слове на присуждение литературной награды Американского национального клуба искусств» А. И. Солженицын сказал: «Сотрясающая революция, прежде чем взорваться на улицах Петрограда, взорвалась в литературно-художественных журналах петроградской богемы. Это – там мы услышали сперва и уничтожающие проклятия всему прошлому российскому и европейскому бытию, и отметание всяких нравственных законов и религий, призывы к сметению, низвержению, растоптанию всей предыдущей традиционной культуры, при самовосхвалении отчаянных новаторов, так и не успевших, однако, создать что-либо достойное»¹.

В «Красном Колесе»² Александр Исаевич Солженицын, следуя замыслу «рассказать историю русской революции», представляет читателю не только хронологическую последовательность исторических событий от «августа четырнадцатого» до «апреля семнадцатого», но и передаёт культурную жизнь эпохи, тесно связанную с историческими и политическими изменениями в России рубежа XIX–XX вв. Среди объектов изображения – писатели, критики, философы, режиссёры, актёры, журналисты и издатели, политики; литературные объединения, издательства, театральные постановки и др. Движение культуры передано и как историческое.

Анализ этих фрагментов представляется нам необходимым этапом на пути целостного понимания солженицынского взгляда на ход российской истории начала XX в. Особый интерес представляют фрагменты, описывающие окололитературную среду.

В 1975 г., беседуя со студентами-славистами в Цюрихском университете, Солженицын подчёркивает: «... всегда исторический романист, чем дальше он берёт эпоху, тем больше он подпадает под возможность ошибки, и совершает эту ошибку. Он не может вот этой спайки событий взять, верно передать то, что я называю “воздух эпохи”, – воздух, которым там дышат...»³.

«Воздух эпохи» в «Красном Колесе» передаётся через особое настроение в окололитературных кругах, через то, как само время формировало новый тип критика. Описание деятельности пролетарских критиков занимает важное место в повествовании «Красного Колеса». Судьбы критиков (Плеханова, Троцкого) отражают судьбы поколения рубежа XIX–XX вв.